

Лет десять назад Юрий Писаренко пережил из ряда вон выходящее событие. Он увидел фокус, секрет которого так и не смог разгадать. Дело было в кабинете у Юрия Никулина. В Москву по приглашению нашей ассоциации иллюзионистов приехали фокусники из разных стран мира. После представления в цирке на Цветном бульваре гости зашли к Никулину. Вот там-то американский чародей Майкл Эммер и лишил покоя Юрия Писаренко.

Эммер спросил, нет ли у кого-нибудь "взаимы" ассигнации любого достоинства. Никулин дал ему три рубля. Эммер смял трешку в крошечный комочек, а затем положил на левую ладонь. Ассигнация начала распрямляться. Потом он сделал движение правой рукой, и трешка встала. А потом взяла в воздух и там застыла. Все замерли. Эммер опустил руки, а заколдованная бумажка продолжала висеть в воздухе. Само собой разумеется, потом все стали разглядывать ассигнацию — деньги как деньги. Писаренко сказал только: "Вот это работа!"

Юрий Павлович Писаренко работает в цирке пятьдесят пять лет. Он фокусник. На профессиональном языке это называется манипулятор, но я это слово не люблю. В нем нет ничего магического, а между тем это древнейшее из искусств. По возрасту, должно быть, нисколько не моложе мамонтов и, как мамонты, вымирает. Мамонтов вытесняют иллюзионисты. Двадцатый век предпочитает, чтобы все чудеса выполняли машины. Во всем мире есть магазины, в которых можно купить любой диковинный трюк — были бы деньги. Аппаратура имеется всякая: тебя и к небудничному, и сквозь землю проведут, и шум аплодисментов прямо пропорционален стоимости машин. Но только это ведь совсем не то.

— Так ведь, Юрий Павлович?
— Именно так. Ручная работа всегда ценится больше. И главное — здесь все зависит от артиста, от исполнителя, от секретов его личности. А там — машина, все зависит от машины.

— Вы, наверное, потомственный циркач?
— Не угадали. Маму я не помню, она умерла, когда я был совсем маленьким, а отец был военным. Когда его посадили, мне было пятнадцать лет. Именно в это время я впервые пришел в цирк, подработав.

— Почему именно в цирк?
— Нравилось! Тянуло меня туда. Вот и пришел. Сначала я был мальчиком на побегушках. А потом, когда чуть-чуть освоился, стал подрабатывать в номерах. Все перепробовал: и жонглером был, и акробатом, да все с этого начинают, потому что найти собственное место на арене можно только после того, как поймешь, что другое — не твое. А мне повезло, потому что я попал в семью братьев Ширман. Это знаменитая цирковая династия. Уезжая из Иркутска в Ташкент, они звали меня приехать. И я приехал. Только долгая это была дорога, потому что шла война. Выехал я в конце 1942 года, а приехал в Ташкент в 1943 г. А в это время в Ташкенте работал Эмиль Теодорович Кио, глава известной династии иллюзионистов Кио.

Эмиль Теодорович был незабываемым явлением нашего старого цирка. Во-первых, он был совершенно неординарной личностью. Добрый, справедливый, отзывчивый, щедрый, без тени самодовольства, что было бы простительно для человека, известного всей стране, а позже — всему миру. И во-вторых, он был, конечно, великий цирковой артист.

В какой бы город ни приехал Эмиль Теодорович, сначала там появлялись его ассистенты. Всюду реклама, афиши, все яркое, веселое. Семьдесят пять ассистентов уже наэлектризовали город, и, когда он наконец появляется, у всех один вопрос: кто же этот Кио, что он будет делать? Билеты распроданы на три месяца вперед.

Начинается представление. Музыка, прожектора, все предвещает нечто из ряда вон выходящее. Наконец появляются двенадцать юношей с опахалами, все красивые, глаз не оторвать. Потом — двенадцать лилипутов в шикарных костюмах. Потом — двенадцать девушек в шароварах, как восточные принцессы. Параду нет конца. И люди думали, что ж дальше-то будет, господа, если это всего лишь начало. И наконец появляется Кио. Красавец был. А программа! Сложнейшая иллюзионная партитура смотрелась на одном дыхании, ни у кого не оставалось сомнений, что он действительно какой-то необыкновенный человек, волшебник, так все было великолепно. Прошло почти полвека, а я до сих пор помню его знаменитый номер — "распиливание".

— Ну это, может быть, не самый лучший пример. Ведь и сегодня на многих манежах "распиливают" красивых, что уж тут...

— Помилуйте! Сейчас вывели кроватку, положили на нее барышню, полминуты помахали вокруг нее каким-нибудь платочком, взвизгнула пила (и все заранее знают, что это фонограмма) — и все. Что вы! От того номера Кио кровь стыла в жилах. Вы представляете: на манеж вывозят огромный металлический ящик. И бешущая электрическая пила. Выходит девушка, ложится в этот ящик, ее закрывают — видны только ноги. Кио подходит, включает рубильник, на весь цирк раздается кошмарный вой пилы, потому что он брал какой-нибудь металлический предмет, и пила его мгновенно распиливала, и так это выглядело, что люди закрывали глаза, лица руками. Что творилось! И по его команде пила посередине ящика проходила насквозь. Становилось так тихо, что сердце падало. И потом под шквал аплодисментов появлялась эта девушка.

— Наверное, девушка пряталась под манеж, ноги были настоящие, а потом она появлялась, да?

— В том-то и дело, что она постоянно находилась в аппарате, секрет которого никому, кроме его сыновей, неизвестен и по сию пору. И трюк этот был очень опасный. Малейший сбой, малейшая неточность могли привести к беде. Напряжение было неподдельным.

Ну и вот, я стал работать у Кио ассистентом.

— Наверное, во время войны цирковые артисты жили впроголодь?
— Люди, которые работали с Кио, нужды не знали ни в чем, потому что он заботился о своих артистах. Сейчас это звучит, как сказка, но я в те времена был обладателем карточки первой категории. Все мы, в том числе и я, мальчик, были уважаемыми людьми — в первую очередь потому, что всех нас уважал и умел ценить великий Кио.

— А почему вы не стали иллюзионистом?
— Может, и стал бы, но в 1957 году в СССР приехал один из лучших манипуляторов мира — югослав Борра. По дороге из аэропорта он "обсчитал" всю делегацию Министерства культуры, а потом, на приеме, который был устроен в его честь, вернул все, что так виртуозно умыкнул у наших серьезных товарищей.

До его гастролей мне не приходило видеть, чтобы артист цирка так активно и бесстрашно шел в зрительный зал и там работал. Наша публика к такому близкому контакту была не готова. Все сидели буквально разинув рот. Добавьте к этому, что, вернувшись на манеж, он вынимал из кармана десять пар часов и под музыку возвращал ничего не подозревавшим владельцам. Кульминацией был момент, когда Борра вызывал из зрительного зала человека, сажал на стул посреди манежа и на глазах у публики "работал". Встав со стула, человек первым делом хватался за брюки, потому что Борра снимал с него деньги подтяжки... Конечно, это был фурур! И мне посчастливилось: полтора-два месяца я брал у него уроки. Так я стал манипулятором. Трюк с часами в нашем цирке я показал первым.

ОХОТНИК ЗА БОЛЬШИМ ЗАЙЦЕМ

КАК ФОКУСНИК "РОДИНУ" НА "СЛАВУ" ПРОМЕНЯЛ

Отступление первое

Юрий Писаренко берет у вас ассигнацию, сворачивает четверо, отрывает уголок. Вы понимаете, что в середине должна быть дырка. А дырки нет. Он разворачивает бумажку и в целости и сохранности возвращает разинувшему рот владельцу. Он берет колоду карт с синими рубашками, и спустя мгновение все рубашки меняют цвет. Потом — снова. Потом у вас на глазах — что важно — шестерки, тузы и валеты превращаются в дам. Из пустого цилиндра он достает букет цветов. У вас из кармана — колоду карт. Если вы храбрый, он прилест вас на манеж, и у вас изо рта, из рукавов, из-под подкладки посыплются монеты, которых у вас не было.

— Вы объехали весь мир...
— Да, буквально...
— Значит, вы имеете полное право на суждение о том, отличаются ли зрители разных стран...

— Отличаются. Вообще, во всем мире цирк любят, и встречают нас неизменно доброжелательно. Но вот японцы, например, активно доброжелательны. Что это значит? Некоторые артисты, в том числе и я, работают со зрителями. Стоит только пригласить кого-то на манеж или проделать с кем-то трюк, они начинают показывать себе на нос — это значит: выберите и меня тоже. Им все нравится, они не устают улыбаться. Это не значит, что им все равно, кто как выступает, кто с чем работает, хлопают всем подряд из вежливости. У них в цирке чрезвычайно дружелюбная атмосфера, поддаться этой, сами понимаете, невозможно. Или она есть — или ее нет.

— А наши зрители?
— Народ у нас очень непростой. Может, жизнь прожили тяжелую — не знаю, но только у нас чаще всего встречаются зрители, к которым страшно подходить, такие они напряженные, закрытые, холодные. Бывает, идешь в зал, а на тебя смотрит человек, на котором написано: меня не проведешь.

А бывают и просто диковинные случаи. Однажды я, как обычно, отработал номер, вызвал на манеж добровольцев, доставал из их карманов карты и монетки, которыми я их предварительно "зарядил". Вдруг меня вызывает администратор. Дескать, Юрий Павлович, вот пришли люди, у них вопрос. Стоят мужчина и женщина, лет по тридцать. Что случилось? Вы, говорят, доставали из пиджака карты и забрали два рубля, пожалуйста, верните. Я обомлел. Дал им два рубля. Спустила четверть часа смотрю — они в буфете пьют пиво. Сообразили, где денег достать. Или работаем я с часами. Потом шел по залу, снял с десяти человек часы, потом приглашаю всех на манеж и говорю — получите. А в антракте приходит женщина и говорит: вы у меня

взяли часы "Родина", а вернули часы "Слава". Ну что тут скажешь? Кто-то взял не свои часы. Идем, конечно, в магазин, я покупаю то, что следует, но...

— А как вы стали Большим Зайцем?
— В 1974 году мы были на гастролях в Аргентине. В Буэнос-Айресе на представление пришел директор всех иллюзионных шоу Аргентины, всемирный человек. Все сидели в первом ряду и наблюдали за моей работой. А я об этом не знал и у двоих часики снял, чего они не заметили. Так я получил орден, учрежденный клубом иллюзионистов Аргентины "Магико", — орден Большого Зайца.

Отступление второе

В середине восьмидесятых годов Юрий Писаренко был признан одним из лучших манипуляторов Европы.

— Если бы я учреждал ордена фокусникам, непременно появился бы орден, связанный с часами...

Отступление третье

У Юрия Писаренко на стене кухни висят часы, которые идут в обратную сторону.

...потому что часы — это любимый "сюжет" фокусника. Скажем, орден Секунды...

Отступление четвертое

Одним из главных достоинств искусства цирковой манипуляции является быстрота исполнения. Высший класс — две-три секунды.

— Да, про часы я могу рассказывать долго. К примеру, были мы в Непале, давали концерт для непальской армии. Принимали нас просто исключительно. Проходит время. Однажды звонят мне домой: "Юрий Павлович, сегодня вы выступаете на даче у Гречко". Гречко тогда был министром обороны. В СССР приехала делегация военных из Непала во главе с их министром обороны. Он-то и вспомнил мое выступление и попросил меня разыскать. Ну, прибываю на дачу. Дело, скажу я вам, непростое. Работать предстояло в узком проходе между рядами накрытых для гостей столов. Но главное — стояло жаркое лето, и на непальцах были рубашки с короткими рукавами. Как тут снимешь часы?
— Значит, не вышло?
— Ну почему же. Просто пришлось ориентироваться в обстановке, приближенной к боевой. Взял салфеточку, накинул на руку министру обороны Непала, заставил его посмотреть вверх, а дальше дело техники. Вообще, знаете, артист цирка должен быть готов ко всему. Буквально. Один раз я "зарядил" картами одного зрителя из первого ряда, приглашаю его на манеж, говорю — а теперь

достаньте из кармана карты. А он стоит — и все. Оказалось, человек глухой. Или, опять же, зарядил картами трех человек, вызвал их на манеж, у одного достал из кармана карты, у второго, говорю и третьему — достаньте. Он лезет в карман — а там пусто. Представляете? А я-то знаю, что карты должны быть у него в кармане, сам их туда положил. Оказалось, у человека в кармане дыра, и они провалились за подкладку.

— А доводилось вам работать в присутствии коронованных особ?

— Я пять раз был в Афганистане, из них четыре — во время войны, выступал перед нашими войсками. А первый раз дело было в 1968 году, тогда в Афганистане был король Захир. Вот перед ним и членами его семьи и довелось выступать. Поставили в ряд золоченые стулья, появился король с семьей, с детьми, со свитой... А перед выступлением "ответственный говариш" мне и говорит: не вздумай хватать их за руки, ничего в руки не давай, работай на расстоянии. Ужас! Я так в жизни не работал. Для меня контакт со зрителями — это воздух. Ну, думаю, попробую. Начал работать, а они глядят во все глаза, улыбаются, дети руки тянут, король Захир тоже на все очень живо реагирует, хлопает, красивый такой человек был. Ну как тут не дать людям мои кольца, с которыми я весь мир объехал? А, думаю, будь что будет. Подошел, протянул первое кольцо, все заулыбались, поняли, что сейчас "птичка вылетит"... Отработал я, иду к себе и думаю: сейчас меня заберут или позже, в Москве... И вижу, бежит навстречу "ответственный говариш", я до сих пор фамилию помню, Воблюков. Юрий Павлович, кричит он, спасибо тебе, дорогой, выручил нас, так все довольны...
— Юрий Павлович, многие цирковые номера похожи, правда? Один жонглирует булавами, и другой тоже, вы показываете фокус с кольцами и картами, и другой тоже, одно салют-мортале похоже на второе, а второе на третье... Значит, главное — чтобы в программе сочетались разные номера, а усовершенствовать существующее две тысячи лет невозможно?

— Эмиль Теодорович Кио говорил: неважно, что ты показываешь, важно — как. Господи, конечно, все шарики круглые, все мячи подпрыгивают. Костюм можно шить, иллюзионный номер можно купить, но стиль не купишь. Бывает, что человек выходит на манеж, десять минут из кожи вон лезет, а людям все равно. И бывает иначе: артист выходит, делает пять шагов, а ему уже аплодируют. И какой бы пустяк он ни сделал, шквал рукоплесканий ему гарантирован. Что, зритель такой глупый? Нет, конечно. Просто один артист настоящий, а другой — нет. Вот был такой уникальный артист Леня Енгибаров. Во-первых, это был истинный универсал: клоун, который был и эквилибристом, и акробатом, и гимнастом — он умел все. И, во-вторых, когда он выходил, все как-то чувствовали, что происходит нечто значительное, понимаете? И все у него отточено, стильно, продумано и выстроено, как китайская пагода — важен каждый пустяк. При Брежнев, помните, была лихорадка на медали и награды. Выходит Леня. Делает трюк, у него появляются на груди две медали. Делает второй — еще пять. Третий — под пиджаком возникает куча этих медалей, следующий трюк делает, снимает пиджак — на спине медали. Снимает шапку — в ней тоже медали. И ни одного лишнего движения.

— Так, по-вашему, кто должен сделать артист со зрителем?

— Дотронуться до его сердца.
В цирке все другое. Вот вы можете объяснить, для чего человек летает под куполом, рискует жизнью, при норме 25 выступлений в месяц и при самой высокой ставке (это если артист со всеми званиями и прочее) 540 тысяч рублей? И это вы еще не знаете его жизни: он с утра до вечера должен тренироваться, потому что иначе все рухнет. Тут ведь не скажешь, что он работает из-за денег. Понимаете, цирковой артист — настоящий — будет работать и бесплатно, и жизнью будет рисковать — за это счастье, за эту возможность удивить зрителя.

Моя жена, Нора Беляев, проработала в цирке 53 года, она из знаменитой династии цирковых артистов Беляев-Бернардо. Я в цирке тоже больше полвека. Думаете, это можно чем-то заменить? У циркового артиста судьба такая. Он живет, пока он может приходить в цирк. В манеж, за кулисы, в раздевалку. А когда он уходит навсегда — он тихо умирает...

— Юрий Павлович, что случилось?

Отступление пятое

За дверью скандал, брань, неистовое возмущение, я перестаю пить чай и собираюсь лезть под стол. Юрий Павлович в гневе открывает дверь и... Это Вова. Красавец и бретер. Он ищет ссоры, он хочет, чтобы на него обратили внимание. Попугай жако из Конго. Жемчужно-серый, с алым хвостом. Словарь — более двухсот слов. Произношение джентльменское, транскрирует. Живет у Писаренко 20 лет, ездит с ним на гастроли, болтовней по заказу не занимается, говорит только при необходимости высказаться. Однажды показывали фильм про Ленина. На экране — торжественная камера, Ленин ходит взад-вперед, погружен в размышления. Попугай тоже ходит по комнате, внимательно смотрит на экран, вглядывается, точно пытается узнать старого знакомого, и вдруг говорит: "Здравствуй, Вова!"

— Вы объехали не только весь Советский Союз, но и весь мир. Астрономическое число концертов, более шестидесяти стран, зрители — от пастуха до короля. Вы сохранили способность удивляться?

— Я, наверное, какой-то непростой. Мне семьдесят лет, а я все удивляюсь и удивляюсь. А знаете, что мне на всю жизнь запомнилось? В 1986 году мы были в Швеции. Там проводил иллюзионный конгресс скандинавских стран и стран Юго-Восточной Азии. Юрий Владимирович Никулин был в жюри. Я тоже участвовал в конкурсе и занял второе место. А первое было у американца, который сумел показать за 4 минуты около 300 разнообразных фокусов. Думаю, на сегодня это мировой рекорд скорости исполнения. Все участники конгресса были приглашены на заключительный банкет, который происходил в Золотом зале. Там вручаются Нобелевские премии. Сидим с Юрием Владимировичем, вдруг открываются двери, и мы видим: стоит вереница официантов, все писанные красавцы, и держат над головами огромные подносы. Что там? И вот они идут и каждому гостю ставят по большущему тарту из мороженого, и каждый торт — произведение искусства. Незабываемое зрелище!

***
...Худенький, невысокий, улыбающийся глаза и, как положено, борода. Никто ведь не знает, что борода скрывает шрамы от ран, полученных на гастролях в Чехословакии во время знаменитых событий 1968 года.

Хорош в цилиндре, бесподобен в чалме. Потрясающе доброжелателен. Уже ушел, уже показал все фокусы, а чувство — будто в мороз укутал тебя в медвежью полость. Не пустяк. Двадцать лет назад погиб его единственный сын.

А может, это и есть главное и цирке: взмыл под купол крылатый человек, сверкает юбки на наездниках, кто-то не торопясь идет то ли по канату, то ли по воздуху — и эта беспричинная радость от предчувствия, что, может быть, все еще будет хорошо...
Записала Ольга БОГУСЛАВСКАЯ.